

УДК 331.1+338.124

Экономическая политика и функционирование российского рынка труда в условиях кризиса

Д-р экон. наук **Алпатов Г.Е.** g.alpatov@spbu.ru
Канд. психолог. наук **Бортникова Е.Г.** bortnik_78@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62

Статья посвящена проблеме низкой безработицы в условиях кризиса российской экономики. Проведен анализ точек зрения на причины этого несоответствия. Общий вывод заключается в гибкости российского рынка труда, высокой эластичности заработной платы по безработице. Ряд авторов воспринимают свойство снижения заработной платы как положительную характеристику, сохраняющую занятость и потенциал роста. В действительности безработица получает форму неоплаченного труда. Занятость становится условной, не обеспечивающей воспроизводство рабочей силы. В статье приведены цифры, характеризующие обнищание населения, недоплаты работающим, работу неполное рабочее время без компенсации. Показан в сравнении со снижающейся безработицей рост числа заболеваний трудоспособного населения в эти же годы. В статье представлены точки зрения на способы снижения безработицы. Ключевой способ – снижение заработной платы. Основная методическая ошибка этих представлений заключается в автономном рассмотрении рынка труда, что приводит к ложному выбору инструментов. Рынок труда связан с рынком благ через потребляемую часть располагаемого дохода работников. Снижение заработной платы и соответствующее сокращение дохода означает сокращение спроса на рынке благ, что в свою очередь сокращает спрос на труд и вызывает безработицу. В статье предложены меры государственной политики по расширению совокупного спроса, сокращению утечек сбережений и активизации деятельности профсоюзов в целях роста благосостояния занятого населения и перехода к экономическому росту.
Ключевые слова: рынок труда, циклическая безработица, профсоюзы, экономическая политика в сфере труда, экономический рост.

DOI: 10.17586/2310-1172-2017-10-4-74-83

Economic policy and functioning the Russian labor market in the conditions of crisis

D.Sc. **Alpatov G.E.** g.alpatov@spbu.ru
Ph.D. **Bortnikova E.G.** bortnik_78@mail.ru
St. Petersburg State University
Tchaikovsky st., 62, Saint-Petersburg, Russia

The article is devoted to the problem of low unemployment in the conditions of the recession of the Russian economy. The analysis of points of view on the causes of this discrepancy was carried out. The general conclusion is the flexibility of the Russian labor market, high elasticity of wages for unemployment. A number of authors perceive the property of reducing wages as a positive characteristic, preserving employment and growth potential. In fact, unemployment takes the form of unpaid labor. The article contains figures that characterize the impoverishment of the population, underpayments to workers, part-time work without compensation. Employment becomes fake, does not ensure the reproduction of labor. The increase in the number of diseases of the able-bodied population in these years is shown in comparison with the declining unemployment. The article presents views on ways to reduce unemployment. The key way is to reduce wages. But the main methodological error of these conclusions is the autonomous examination of the labor market, which leads to a false choice of tools. The labor market is connected with the market of goods through the consumed part of the disposable income of workers. A reduction in wages and a corresponding reduction in income mean a reduction in demand in the market of goods, which in turn reduces the demand for labor and causes unemployment. The article proposes measures of state policy on expansion of aggregate demand, reduction of savings leaks and activation of trade unions in order to increase the prosperity of the employed population and push economic growth.

Keywords: labor market, cyclical unemployment, trade unions, economic policy in the labor market, economic growth.

Введение

Рецессия, как фаза циклического развития экономики, всегда представляла особый интерес для ученых. А когда в ее процессе происходит нарушение закономерностей движения показателей, требование объяснить возникшие отклонения становится наиболее настоятельным. Последняя рецессия в России 2014–2016 гг. отличалась низким уровнем безработицы при сокращении реального валового внутреннего продукта (ВВП), что не характерно для аналогичных спадов в развитых странах даже с меньшей динамикой показателей. У них безработица росла, у нас нет. В качестве рабочей гипотезы для объяснения причины такой динамики мы предполагаем в данной статье исследовать влияние отсутствия необходимых рыночных институтов и пассивности государства на уровень равновесной зарплаты. Этот подход позволит понять, почему бизнес в России может беспрепятственно снижать зарплату и ценой обнищания работников сохранять занятость.

Объекты и методы исследования

Динамика показателя безработицы в России, как это показано в таблице 1, демонстрирует снижение с 2011 по 2016 гг. на фоне стагнации экономики. В 2016 г ВВП составил 98,91% от 2012 г., а показатель безработицы, несколько выросший в 2015 г., уже в 2016 начал снижаться. В соответствии с прогнозом социально-экономического развития России, безработица будет сокращаться и дальше, до 4,2 млн чел. в 2018 г. и до 4,1 в 2019 г. [1].

Таблица 1

Валовой внутренний продукт (в ценах 2011г., млрд.руб.)и численность безработных (по данным выборочных обследований рабочей силы)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП	59698,1	61798,3	62588,9	63046,8	61263,6	61125,9
Численность безработных	4922,4	4130,7	4137,4	3889,4	4263,9	4243,5

Можно было бы предположить в качестве причины низкой безработицы структурные сдвиги. Когда происходит интенсивная модернизация экономики, структурная безработица сопровождается активным процессом создания новых рабочих мест, как это было рассмотрено у Д. Мортенсена и Х. Писсаридиса, которые считали, что потоки исчезновения и создания рабочих мест сосуществуют на всех фазах бизнес цикла, в т.ч. и в период рецессии [2]. Однако существенное снижение реальных доходов и ВВП говорят о циклической, а не о структурной безработице.

Для понимания причины сокращения безработицы в условиях рецессии следует различать формальный показатель безработицей и реальную скрытую за ним безработицу, выраженную в снижении зарплат без увольнения или просто их невыплаты, в сокращении времени труда без компенсации простоя и неоплачиваемых отпусков работников. Когда зарплата ниже прожиточного минимума, это безработица с российской спецификой. Труд без оплаты нельзя назвать занятостью, в связи с чем возникает вопрос о понятии безработного.

До сих пор все понимали под безработным того, кто не имеет работы, но имеет желание и способность работать и проявляет активность в поиске работы. Но для российских условий такое определение оказывается узким, поскольку у нас есть дополнительная группа фактически безработных, которые числятся занятыми, но не получают полностью или частично работы и оплаты за нее. И даже существует такой неожиданный вариант, когда работники трудятся без оплаты, боясь закрытия предприятия и потери работы. На 1 февраля 2017г., суммарная задолженность по зарплате составила 3232млн. руб.и по сравнению с 1 января 2017г. увеличилась на 507млн.руб.(на 18,6%). На 1 апреля 2017 г. суммарная задолженность по зарплате 3635 млн.руб.и по сравнению с 1 марта 2017г. увеличилась на 22 млн.руб. (на 0,6%). Это означает, что в среднем 100 тыс. человек не получили месячную зарплату. Другой вариант сохранения занятости – это переход от полной к частичной занятости с соответствующим сокращением зарплаты.

**Численность работников РФ, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя,
тыс. чел.**

2014 год				2015 год				2016 год			
I	II	III	IV	I	II	III л	IV	I	II	III	IV
108,6	95,7	81,2	101,6	129,7	142,7	127,1	132,3	142,1	147,0	109,6	111,7

Из табл. 2 видно, что неполная занятость в 2015 г выросла примерно на 40% и до середины 2016 г. продолжала оставаться высокой. Таким образом, для части работников трудовые контракты маскировали фактическую безработицу.

Полноценная работа должна обеспечивать минимум простое воспроизводство рабочей силы, что в отличие от ее расширенного воспроизводства делает невозможным содержать семью и тратить время и деньги на обучение и тренинг рабочей силы. При зарплате ниже прожиточного минимума и такое усеченное воспроизводство рабочей силы недоступно. Поэтому насколько зарплата ниже прожиточного минимума, настолько занятый является безработным по критерию размера дохода от труда. Критерий уровня дохода для оценки безработицы на институционально организованном рынке труда не нужен. Если человек работает, то бизнес принуждается государством и профсоюзами платить ему достойную зарплату. Но у нас нельзя согласиться с определением безработного, только как способного и желающего трудиться, но не имеющего работы в течение определенного срока. Когда работники перебиваются случайными заработками, такую работу нельзя назвать полноценной, как на себя, так и в случае наемного труда.

Можно возразить, что причина низких зарплат в России заключается в относительно низкой производительности труда. Однако при любой производительности возможно несправедливое распределение общего дохода и низкая оплата наемного труда, если нет институционального принуждения к более равномерному его распределению.

Причины и следствия низкого уровня безработицы в России

Экономика догоняющих стран потенциально более эффективна. Причина в том, что их экономики находятся в фазе копирования, а повторять технические решения гораздо проще и дешевле, чем изобретать новые. Фаза инноваций, следующая за фазой копирования в индустриализации страны, требует больших расходов и риска, что тормозит рост зарплат, но в фазе копирования высокие доходы позволяют пропорциональный им рост зарплат наемных работников. Все догоняющие страны Азии показали это преимущество в действии: Китай, Корея, Таиланд, Вьетнам, Новая Зеландия, Сингапур. Например, в Китае, поддерживающем в течение всего периода реформ значительные темпы экономического роста, одной из причин динамичности экономики была высокая норма сбережений домохозяйств, на уровне 23% располагаемого дохода против 21% в Японии, 18% – на Тайване, 16% – в Бельгии, 13 % – в Западной Германии и 8% – в США[3]. Если страна не использует это преимущество, то только по одной причине: высокие доходы не достаются работникам. Происходит их изъятие из финансовых потоков, которое не компенсируется инъекцией. Их утечка происходит по следующим каналам:

1. Изъятие дохода государством и перераспределение его из одних регионов в другие. Изъятие и стерилизация денежной массы в резервные фонды. Доход не возвращается в производство.
2. Изъятие дохода собственниками капитала и его вывоз за рубеж.
3. Непропорциональное распределение дохода между топ менеджерами и работниками.
4. Оставление доходов экспортерами за рубежом.
5. Снижение курса рубля, ведущее к повышению цен при снижении доходов и спроса домохозяйств.

В результате утечки доходов уровень бедности в России в последние годы растет. Всего, по данным Росстата, доходы ниже прожиточного минимума в 2015 году имели 19,1 млн человек, или 13,3 % россиян. В январе–сентябре 2016 года за чертой бедности проживали 20,3 млн россиян, или 13,9 % населения страны. Это рекордная величина с 2006 года[4]. По мнению вице-преьера О. Голодец, «та бедность, которая сегодня в стране есть и фиксируется, это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере — работающие бедные». По ее данным зарплаты на уровне минимального размера оплаты труда (7,5 тыс. руб.) сейчас получают в России примерно 4 млн 910 тыс. человек. И это притом, что прожиточный минимум для трудоспособного населения по итогам третьего квартала 2016 года определен в 10 тыс. 678 руб. [4]. Такова цена низкого уровня официальных цифр безработицы.

Вакуленко Е.С., Гурвич Е.Т. снижение заработных плат воспринимают не как национальное бедствие, а как конечную причину низкого уровня безработицы. Они пишут: «Это позволяет сделать вывод о высокой гибкости реальной заработной платы как о важном общем свойстве российского рынка труда. Тем самым мы получаем объяснение устойчиво низкого уровня безработицы в последние годы, несмотря на серьезный спад производства» [5]. Их объяснение само требует объяснения. Почему работники соглашаются на снижение зарплат и усиление эксплуатации? Более того, эти авторы считают легкость снижения зарплат положительным качеством: «...гибкость реальной заработной платы можно рассматривать как признак эффективного рынка труда, где действие рыночных механизмов не ограничивается избыточным регулированием» [5]. Впервые олигопсония названа эффективным состоянием рынка.

В.В. Ивантер видит другой аспект преимущества гибкого рынка труда. Для него оставшееся формально занятым рабочее население служит запасом фактора производства: «...к началу 2016 г. в российской экономике сложился уникальный набор условий... численность занятых в реальном секторе из-за низких темпов высвобождения работников соответствует более высоким параметрам выпуска, что отчасти снимает проблему ограничений по трудовым ресурсам и позволяет достаточно быстро наращивать объёмы производства» [6]. Нет худа без добра. Благодаря неэластичности предложения по зарплате на рынке труда, работники готовы к труду. Но есть ли спрос на их продукцию? Чей спрос загрузит избыточные мощности? В.В. Ивантер отвечает, что ни чей: «Внутренний спрос (государственное потребление, инвестиции в основной капитал и потребление домашних хозяйств) в этот период с высокой вероятностью не будет оказывать существенного положительного влияния на экономическую динамику» [6].

Согласно господствующей макроэкономической теории рынка труда, сократить безработицу можно, снижая зарплату и соответственно доходы домохозяйств, что позволяет сохранять трудовые коллективы и даже нанять дополнительных работников при сокращающемся фонде зарплаты. Подразумевается, что снижение зарплаты естественно и полезно. Еще У. Петти доказывал пользу недоплаты работникам: «Закон должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем мог бы работать, ...а это для общества означает потерю такого же количества труда» [7]. Последователи А. Маршалла из того, что зарплата является результатом взаимодействия спроса и предложения на рынке труда делали выгодные предпринимателям выводы о том, что рабочие сами виноваты в безработице, поскольку не хотят работать за низкую зарплату и выжидают. Например, Людвиг фон Мизес писал: «Если человек, ищущий работу по найму, не хочет ждать, то он всегда найдет работу в свободной рыночной экономике... Ему лишь нужно снизить размеры оплаты, которую он требует, или сменить профессию или место работы» [8]. Важно заметить, что это написано вскоре после кризиса 1929–33 гг., когда люди брались за любую работу, но ее не было. Понятно, что если причину безработицы видеть в выжидании работника, то и вся безработица предстает как добровольная [8].

Современные учебники придерживаются той же точки зрения о преимуществе гибкости рынка труда и о предпочтении низкой безработицы падению зарплат. Грегори Мэнкью в учебнике «Макроэкономика» пишет: «жесткость реальной заработной платы уменьшает вероятность трудоустройства и повышает уровень безработицы» [9]. К. Р. Макконел и С. Л. Брю, дают советы профсоюзам не настаивать на высокой заработной плате: «Успех любого профсоюза в установлении заработной платы выше равновесной сопровождается уменьшением числа занятых рабочих» [10]. Подобные теоретические схемы неоднократно повторяются в учебниках российских авторов. Например, у В.Д. Камаева: «...поскольку зарплату включают в издержки производства, ее рост вызывает повышение цен на выпускаемую продукцию, следствием чего может оказаться снижение спроса, а значит, и сокращение объемов производства и занятости» [11]. Или: «Снижение цены труда будет сдерживать рост безработицы и способствовать поддержанию спроса на рабочую силу на более высокой отметке» [12]. Итак, причина безработицы, согласно неоклассической модели, кроется в завышенной заработной плате. Хочется поздравить с этим гимном эксплуатации зарубежных и доморощенных авторов и еще раз вспомнить их родоначальника В. Пети с его минимумом зарплаты. Следует спросить, куда же делась вторичность спроса на факторы производства от спроса на продукцию, произведенную с помощью этих факторов? Или дешевизна или дороговизна рабочей силы изменяют размер доступного фонда оплаты труда? Рациональное решение при сокращении фонда зарплаты – это сокращение труда, поскольку единица труда должна стоить принятой в данное время величину, равную стоимости благ, нормально потребляемых работником. Если капиталист снижает зарплату, то нарушает сложившуюся пропорцию между единицей труда и единицей оплаты, мошеннически вынуждая отдавать больше труда за прежний заработок. Это фиктивная ликвидация безработицы ценой доведения до нищеты.

Экономический успех возможен, если следовать национальным традициям и обычаям. При игнорировании этих факторов возникают противоречия и диспропорции, нарушающие развитие хозяйственной системы нации [13]. Мотивация к труду и вообще занятость ассоциируются у работников российских предприятий со стабильной, безопасной и престижной деятельностью, повышением статуса, различными вознаграждениями [14]. Но в результате гибкости рынка труда по данным В. Жуковского «у половины населения

страны, среднедушевые доходы меньше 20 тысяч рублей. Людей, которые более-менее нормально живут, сейчас в стране не больше 20 %. Такими темпами продажи не падали ни в 2008-м, ни в 1999-м, ни в 1991 году» [15].

Потеря работы или угроза ее потери является стрессогенной ситуацией, вызывающей каскад нарушений психосоциальной адаптации, включающих в себя последовательный ряд от острых психосоматических реакций до хронической апатии. У нас по итогам 10 месяцев 2016 г рост смертности от заболеваний органов пищеварения примерно на 4 - 4,5 процента больше. Мы на самом деле живем в перманентном стрессе, неопределенности, хаосе и панике из-за отсутствия перспектив у большинства людей» [15].

Пельцман Л. выделяет четыре фазы стрессовых состояний от момента угрозы потери работы до утраты надежды на нахождение новой работы [16]. В первой фазе угрозы увольнения наиболее распространенной психосоматической патологией является гипертоническая болезнь. Великанов А.П., Демченко Е.А., Круглова Н.Е., Щелкова О.Ю. считают, что она характерна для лиц с повышенной моральной ответственностью. Для них типично принятие на себя ответственности при совладании с трудными жизненными ситуациями [17]. Стрессогенная ситуация притупляет внимание, ведет к ухудшению качества выполняемой деятельности. Это усугубляет эмоциональное состояние человека. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. определили, что в ответ он пытается усилить самоконтроль, что приводит к эмоциональному перенапряжению, психическому истощению и неврастению [18].

Второй фазой является субъективное чувство облегчения. Длительность этой фазы 3–4 месяца. Человек вступает на путь активного поиска работы, улучшается настроение, нивелируются симптомы психосоматических заболеваний. Но возможен и другой вариант развития событий. Самочувствие не улучшается, а тревога из-за неопределенного положения усиливается. Третьей фазой является ухудшение состояния безработного. Это период после полугодового безрезультатного поиска работы. Усиливается апатия, исчезают прежние интересы, привычки. Четвертая фаза – это период беспомощности и примирения со сложившейся ситуацией, со снижением социального статуса, нарастание бездеятельности.

Таким образом, реакция человека на потерю работы проходит несколько этапов, от страха перед неопределенностью, в этот момент в большей степени есть риск заболеваемости, до развития состояния апатии.

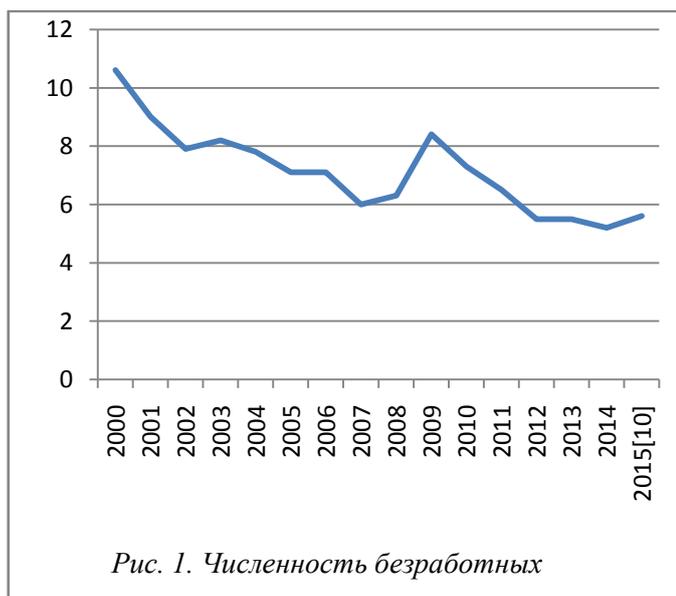

Рис. 1. Численность безработных

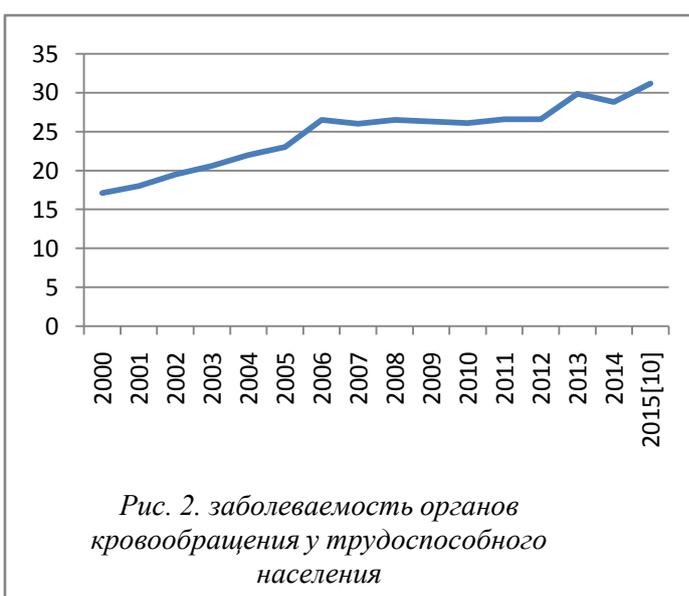

Рис. 2. заболеваемость органов кровообращения у трудоспособного населения

На графике (рис. 1) отображено общее снижение процента безработицы в период 2000–2015 гг. при его повышении в 2009-2010 гг. Результаты статистических исследований в области заболеваний кровообращения в тот же период представлены на рисунке 2. Графики показывают несоответствие снижения показателя безработицы неуклонному росту числа заболеваний сердечно-сосудистой системы. Это можно объяснить в частности наличием угрозы потери работы, либо ее действительным отсутствием, либо наличием скрытой безработицы. Можно было бы предположить, что безработица не является причиной этих расстройств, если бы не работы большого количества ученых, занимающихся исследование последствий влияния стресса в виде потери работы на здоровье человека (Friedman M., Rosenman R.H., 1975, Пельцман Л., 1992, Винокур В.А., 2008 и др.) [19, 16, 20]. Таким образом, рост числа характерных заболеваний является косвенным доказательством того, что снижение безработицы – это видимость. Актуален страх потери работы и наличие скрытой безработицы.

Почему в западных учебниках без опаски для экономического роста говорят о снижении зарплаты как средстве против безработицы? Потому что рынок труда у них институционально оформлен. Переход работника

в безработные не существенно сокращает спрос на рынке благ, поскольку действует автоматический стабилизатор пособий по безработице. Безработный превращается в получателя страховых выплат, например, в США от 120 до 2000 долл. в месяц в зависимости от стажа предыдущих выплат в страховой фонд при средней зарплате рабочих 2800 долл. в месяц. У нас этот автоматический стабилизатор не работает, поскольку пособие по безработице не меняется уже 9 лет и составляет максимально 4900 руб., а минимально 850 руб. Это пособие никак не может поддержать спрос домохозяйств.

Тем не менее, снижение зарплаты остается основным рецептом от безработицы у авторов неоклассического направления, рецепт работающий таким образом, что он позволяет сохранить занятость, при этом переводя болезнь экономического кризиса из острой в хроническую стадию. В чем теоретическая ошибка такого подхода к соотношению зарплат и занятости? Она в том, что рынок труда рассматривается отдельно, независимо от рынка благ. На самом деле события на рынке труда непосредственно влияют на рынок благ, на инвестиционные процессы и, в конечном счете, на экономический рост. Рынок труда настолько внешне сложен, насколько и прост в его понимании. Потому что работники, которые определяют предложение на рынке труда, одновременно на рынке благ определяют спрос. Эти два рынка необходимо рассматривать в системном единстве.

Зарплата является одним из видов издержек, которые хочется уменьшить, а вторичность рынка труда к рынку благ определяет вторичность спроса на нем. Это значит, что расширение спроса на рабочую силу определяется не заработной платой, а расширением спроса на рынке благ.

$$\Sigma W_i \downarrow - C \downarrow - I \downarrow - AE \downarrow - Y \downarrow - D_L \downarrow - U \uparrow - \Sigma W_i \downarrow.$$

Если мы снижаем зарплату W , то расходы домохозяйств C снижаются. Меньший спрос домохозяйств снижает инвестиционную составляющую I совокупного спроса Y , снижается общий доход бизнеса. Уменьшается спрос на рабочую силу D_L и возникают неиспользованные производственные мощности, что одновременно сокращает спрос на рабочую силу и инвестиции, поскольку при недогрузке мощностей нет смысла инвестировать в их расширение. В результате возникает безработица U и падает снова заработная плата. Создается самоподдерживаемый механизм перманентной рецессии.

В этой схеме нас интересует не только алгоритм передачи импульсов с рынка труда на рынок благ и обратно, но и количественное влияние сокращения зарплат на агрегированный спрос.

Таблица 3

Влияние зарплат на валовой внутренний продукт

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах (трлн.руб.)	60,3	68,2	73,1	79,2	83,2	86,04
Расходы на конечное потребление домашних хозяйств(трлн.руб.)	29,9	34,5	38,5	42,0	43,2	43,9
Оплата труда наемных работников(трлн.руб.)	26,4	30,2	33,8	37,4	38,1	40,8
Доля оплаты труда в ВВП,%	43,8	44,3	46,2	47,2	45,8	47,4
Доля оплаты труда в расходах домашних хозяйств, %	88,3	87,5	87,8	89,0	88,2	92,9

Данные табл. 3 показывают, что есть устойчивая связь между динамикой ВВП и расходами домохозяйств, которые перманентно составляют чуть меньше половины ВВП, исчисленного по расходам. Доля зарплаты в ВВП по расходам поддерживается по годам в диапазоне 43-47%. Следовательно, экономический рост зависит от конечного спроса домохозяйств. Этот конечный спрос первичен к спросу бизнеса на инвестиции. Никакие меры по созданию условий для бизнеса, никакие специальные программы субсидирования, снижения налогов, строительства инфраструктуры на индустриальных площадках не приведут к инвестициям, если бизнес не имеет конечного спроса прямо или через опосредующие звенья. Эти инструменты промышленной политики имеют влияние на ход инвестиционного процесса и на экономический рост, когда есть конечный спрос. А конечный спрос есть, когда есть достаточный доход домохозяйств, предъявляющих этот спрос, и прежде всего, когда есть достаточный уровень зарплат. Борьба с безработицей способом снижения зарплат ведет в итоге к падению инвестиций и снижению экономического роста. Если нет институциональных ограничений такому снижению

зарплата, то экономический рост сменится среднесрочной рецессией без очевидного выхода из нее. Такова взаимосвязь рынка труда и рынка благ и самоподдерживающийся механизм циклического роста безработицы.

Перед нами олигопсонический рынок и рентные отношения, выражающиеся в недоплате работникам со стороны собственников капитала, и дальнейшее изъятие ренты властной бюрократией (коррупция). Наличие рентных отношений как следствие властных перекосов на рынках отмечено в работе Н.И. Усик [21]. По мнению Н.А. Шапиро: «В отсутствие стимулов к производству возникает тенденция к его падению даже при наличии физических возможностей, чтобы его наращивать» [22].

Снижение заработных плат не означает, что крупный бизнес не может платить больше. По причине низкого спроса разрушается малый и средний бизнес, но не крупный. Куда уходят деньги из торгового оборота, где утечка? Они концентрируются и вывозятся. Мы имеем экономику как ведро с дырявыми стенками, через которые уходит на сторону доход. При любой производительности труда и при любом доходе коллектива предприятий существует возможность снижения руководством оплаты труда вследствие отсутствия сопротивления, возможность превращения работающих в частично безработных с целью изъятия дохода. В результате замены равновесных рыночных трудовых отношений отношениями изъятия ренты со всех видов экономической активности происходит концентрация дохода и богатства, что равносильно его утечке из потока агрегированного спроса. Перекос в спросе на рынке благ определяется тем, что 20 % богатых у нас имеют 47 % денежного дохода страны. И понятно, что они этот доход не в состоянии истратить на личное потребление, не создают спрос, поскольку невозможно истратить на себя такие суммы. По оценкам Credit Suisse Research Institute, выпускающего Доклад о глобальном богатстве (Global Wealth Report), «верхний дециль держателей богатств владеет 89 % богатства всех домашних хозяйств в России. Это значительно выше, чем в любой другой мощной экономике: соответствующая цифра составляет 78% для Соединенных Штатов, и 73 % для Китая. Высокая концентрация богатства в России отражается в том, что она занимает третье место по числу миллиардеров (96) вслед за Китаем (244) и США (582) [23]. На фоне снижения зарплат по данным рейтинга Forbes совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов России выросло на \$100 млрд, достигнув \$460 млрд, число миллиардеров увеличилось с 77 до 96 [24].

Почему у нас нет впечатляющих успехов? Сбыт ограничен потому, что доходы основной массы потребителей слишком низки, тогда как доходы нескольких тысяч чрезмерно высоки. Эти доходы не стали и не могли стать достаточным для восстановления производства и занятости спросом на внутреннем рынке. Их значительная часть вывозится к тому же из страны, сэкономленное на зарплате затем не находит себе применения в аккумуляции капитала, превращается в фиктивный капитал. Возможно для сверхбогатых, остающихся резидентами России, нужно создать вариант выбора: либо прогрессивный налог НДФЛ, либо инвестиции в производство со снижением налога.

Чистый вывоз капитала во время рецессий возростал. По данным платежного баланса Российской Федерации, по методологии РПБ, чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1997–2016 годах составил 615 млрд долларов (см. табл. 4):

Таблица 4

Чистый вывоз капитала частным сектором, млрд. долларов США

	1997–1999	2000–2008	2009–2012	2013–2016
Чистый ввоз (-) / вывоз (+)	74,2	31,6	223,6	286,9

В 2016 г рост чистого вывоза остановился вследствие Carrytrade. В прогнозе социально-экономического развития России ожидается дальнейший рост чистого вывоза капитала с 18 млрд. долларов США в 2016г. до 25 млрд. к концу 2019 г. [1].

Для восстановления экономического роста необходимо вернуть равновесие сил спроса и предложения на рынке труда, для чего реформировать институт профсоюзов, который сейчас не выполняет функции поддержки зарплаты, не стоит на стороне предложения. Кроме того усиление предложения произойдет вследствие дефицита работников, что предполагает расширение агрегированного спроса на рынках благ. Для этого необходимо использовать силу государства посредством роста доходов работников через повышение МРОТ, более равного распределения коллективных доходов и возврата капиталов в форме прямых инвестиций, и тем самым сокращения безработицы в тех вариантах, в которых она у нас существует.

Рынок труда в России гибок, потому что он не сбалансирован по силе сторон. У нас работа может существовать отдельно от зарплаты. Для усиления регулирующей роли профсоюзов на рынке труда необходимо принять новый закон о профсоюзах наподобие закона Вагнера в США в 30-е годы, который упростит процедуры разрешения трудовых конфликтов и поставит под защиту закона лидеров профсоюзного движения. Нам необходим такой закон поскольку, как в США в те годы, происходят аналогичные события, преследуются члены

профсоюзов, угрожают лидерам, директора предприятий увольняют за членство в независимом профсоюзе, используют силу полиции против забастовок по поводу невыплаты зарплаты.

В первом квартале 2017 г. невыплаты зарплаты по-прежнему остаются главной причиной протестов, хотя по сравнению с прошлым годом их доля снизилась и составила 48% (54% в 2016 г.). На втором месте политика руководства, т.е. протесты из-за закрытия, реорганизации предприятий и фирм – 25%. Примерно такая же значимость у протестов, вызванных низким уровнем зарплаты – 23%. Число трудовых протестов увеличилось по сравнению с 2008 годом в 4,5 раза. «Протестность» в 2015 к 2014 г. выросла на 40%. В 2016 году протесты происходили в 72 регионах (85 % от общего числа регионов) [25]. Углубление трудовых конфликтов происходит по одной простой причине – потому что нет институционально оформленной процедуры их разрешения.

Обычно когда говорят об экономической политике, то имеется в виду оперативное управление государством. На самом деле есть стратегическая цель попытаться сделать так, чтобы в перспективе было меньше необходимости вмешиваться. Долгосрочная цель и задача экономической политики состоит в закреплении найденных удачных способов решения проблем путем поддержки формируемых общественных институтов. На рынке труда институциональное решение – эффективные профсоюзы.

Закон о профсоюзах и всевозможные способы разрешения конфликтов, которые государство должно было ввести, в России заменены законодательно усложненной процедурой, имеющей запретительный характер на действия работников по отстаиванию своих трудовых прав. Это закон в пользу одной стороны, который блокирует всякую активность, выводя забастовку в сферу незаконности действий работников. Поэтому экономическая политика должна быть построена на том, чтобы создать некоторые институты в обществе, которые бы проходили естественный отбор с позиции эффективности и затем способствовали разрешению трудовых конфликтов без необходимости участия губернаторов, государственных чиновников, представителей местной власти. Поскольку нет ничего институционально оформленного, возникают самодеятельные формы: прекращение работы, коллективные заявления об увольнении по собственному желанию, голодовки и перекрытия трасс, незаконные забастовки. Рынок труда должен быть достроен.

Однако это будет бесполезно, если в стране сохранится рентное государство чиновников, изымающих существенную часть доходов на всех уровнях. Как отметила Н.А. Шапиро, «макроэкономическая стабильность в обществе не может быть обеспечена, когда государство... не находит баланса интересов между гражданами и элитами. Средством поддержания балансов интересов граждан и элит по обеспечению макроэкономической стабильности в современном обществе могут быть только демократические институты и процессы их совершенствования [22].

Сейчас рынок труда в России существенно отличается от рынка труда в развитых странах. Отличие в том, что при рецессии в развитых странах растет безработица, но не падает зарплата оставшихся. Безработные начинают получать пособие, чем включают автоматический стабилизатор поддержки агрегированного спроса на рынке благ. У нас при рецессии фирмы, снижая зарплату, сохраняют персонал, и уровень безработицы остается на низком уровне. Статистически работники числятся занятыми, но без достаточной для воспроизводства рабочей силы зарплаты они – по сути те же безработные. Феномен низкой безработицы не должен нас обмануть. Получается, ни зарплаты, ни пособий, поскольку работники не уволены. Население при сокращении зарплат некоторое время поддерживает спрос, тратя сбережения и затем беря в долг. В результате производство падает, а задолженность банкам и их прибыли растут.

Выводы

В острой фазе кризиса важно сохранять агрегированный спрос. Стимулирование частных инвестиций в уже существующих отраслях производства не даст роста. Инвестировать нет экономического смысла, если спроса на товары и услуги нет. Остаются три решения на стороне государства:

Во-первых, поддержка профсоюзов в борьбе за сохранение заработной платы. Профсоюзы в развитых странах активно противодействуют снижению зарплаты, но соглашаются на увольнения части занятых. Они поддерживают борьбу с невыплатами зарплаты, уменьшают количество стихийных бунтов, обеспечивают соблюдение закона и, соответственно, снижают социальную напряженность. Эти действия однако способствуют росту безработицы.

Во вторых, в ответ на рост безработицы государство должно увеличить пособие по безработице, превратив его в автоматический стабилизатор, а также использовать остальные каналы инъекций агрегированного спроса: рост пенсий для 36 млн пенсионеров, стипендий и зарплат в государственных организациях.

В-третьих, ограничить утечки агрегированного спроса путем ограничения вывоза доходов в сбережения за рубежом.

Стабилизация спроса, причем в региональном разрезе, является ключевым средством выхода из кризиса и сокращения безработицы, в отличие от суррогатного средства – снижения зарплат и других доходов путем

повышения налогов и направления налоговых доходов в резервные фонды для цели поддержки заниженного курса рубля.

Литература

1. Прогноз социально-экономического развития на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. М.: Минэкономразвития РФ, 2016.
2. Dale T. Mortensen and Christopher A. Pissarides. Job Creation and Job Destruction in the Theory of Unemployment // The Review of Economic Studies. 1994. Vol. 61. No. 3. P. 397. Published by: Oxford University. PressStable.URL: <http://www.jstor.org/stable/2297896> (дата обращения: 20.05.2017).
3. Джефффри Сакс, Уинг Тай Ву. Повторное изучение реформ, осуществленных в Китае// Трансформация. 1996. Выпуск 7. № 3–4. С. 3.
4. О. Голодец рассказала об уникальных чертах бедности в России // РБК.URL: <http://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7cf0c9a79470c568fb0f3> (дата обращения: 10.06.2017).
5. Вакуленко Е.С., Гурвич Е.Т. Гибкость реальной заработной платы в России: сравнительный анализ // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 3(31). С. 67–82.
6. Ивантер В.В. Перспективы восстановления экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 15–16.
7. Петти В. Экономические и статистические работы. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1976. С. 700.
8. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум. 2005. С. 558–560.
9. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. Пер. с англ. М.: МГУ. 1994. С. 210.
10. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономика: принципы, проблемы и политика./ Пер. с англ.- М.: Республика. 1993. Т. 2. С. 166.
11. Камаев В.Д. и др. Учебник по основам экономической теории. - М.: "ВЛАДОС". 1994. С.107.
12. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал НЭА. 2015. № 2 (26). С. 252.
13. Воронина В.М., Новиков А.В. Экономический менталитет как фактор развития национальной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 1. С. 19.
14. Василенок В.Л., Бразевич Д.С., Герасимова А.Ю. Ценностные факторы как регуляторы управленческой деятельности и процессов организационно-культурных изменений // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. С. 65.
15. Интервью с Владиславом Жуковским // Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online». 11 января 2016. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/298565> (дата обращения 09.06.2017).
16. Пельцман Л. Стрессовые состояния у людей, потерявших работу // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1.
17. Великанов А.П., Демченко Е.А., Круглова Н.Е., Щелкова О.Ю. Психологические факторы в прогнозе социально-трудовой реабилитации больных ишемической болезнью сердца // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология, социальная педагогика. 2012. Вып. 3. С. 16.
18. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия. Учебник. М.: Медицина. 1995. С. 439–490.
19. Friedman M., Rosenman R.H. Type A and your heart. Greenwich. 1975. 280 p.
20. Винокур В.А. Психологические факторы развития психосоматических заболеваний // Психодиагностика и психокоррекция / под ред. А.А. Александрова. СПб.: Питер. 2008. Гл.6. С. 176–204.
21. Усик Н.И. Исследование задач управления национальным хозяйством в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 3. С. 81.
22. Шапиро Н.А. О государстве и группах влияния, их способности обеспечивать макроэкономическую стабильность: материалы к занятиям по курсу «Современные экономические концепции» // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. С.169.
23. The 2016 Global Wealth Report // published by the Credit Suisse Research Institute. P. 53. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=AD783798-ED07-E8C2-4405996B5B02A32E> (Дата обращения: 09.06.2017).
24. Березанская Е., Козырев М. Взлеты и падения: динамика состояний богатейших предпринимателей России за год. // Forbes.ru. 2017. № 4.
25. Трудовые протесты в первой половине 2017 г. Мониторинг Центра социально-трудовых прав. // М.: ЦСТП. 2017.

References

1. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov. M.: Minekonomrazvitiya RF, 2016.
2. Dale T. Mortensen and Christopher A. Pissarides. Job Creation and Job Destruction in the Theory of Unemployment // *The Review of Economic Studies*. 1994. Vol. 61. No. 3. P. 397. Published by: Oxford University. PressStable.URL: <http://www.jstor.org/stable/2297896> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
3. Dzheffri Saks, Uing Tai Vu. Povtornoe izuchenie reform, osushchestvlenykh v Kitae// *Transformatsiya*. 1996. Vypusk 7. № 3–4. S. 3.
4. O. Golodets rasskazala ob unikal'nykh chertakh bednosti v Rossii // RBK.URL: <http://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7cf0c9a79470c568fb0f3> (data obrashcheniya: 10.06.2017).
5. Vakulenko E.S., Gurvich E.T. Gibkost' real'noi zarabotnoi platy v Rossii: sravnitel'nyi analiz // *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2016. № 3(31). S. 67–82.
6. Ivanter V.V. Perspektivy vosstanovleniya ekonomicheskogo rosta v Rossii // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2017. T. 87. № 1. S. 15–16.
7. Petti V. Ekonomicheskie i statisticheskie raboty. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 1976. S. 700.
8. Mizes, Lyudvig fon. Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoi teorii. – Chelyabinsk: Sotsium. 2005. S. 558–560.
9. Men'yu N.G. Makroekonomika. Per. s angl. M.: MGU. 1994. S. 210.
10. Makkonel K. R., Bryu S. L. Ekonomika: printsipy, problemy i politika./ Per. s angl.- M.: Respublika. 1993. T. 2. S. 166.
11. Kamaev V.D. i dr. Uchebnik po osnovam ekonomicheskoi teorii. - M.: "VLADOS". 1994. S.107.
12. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. Rossiiskaya model' rynka truda: ispytanie krizisom // *Zhurnal NEA*. 2015. № 2 (26). S. 252.
13. Voronina V.M., Novikov A.V. Ekonomicheskii mentalitet kak faktor razvitiya natsional'noi ekonomiki // *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2017. № 1. S. 19.
14. Vasilenok V.L., Brazevich D.S., Gerasimova A.Yu. Tsenostnye faktory kak regulatory upravlencheskoi deyatelnosti i protsessov organizatsionno-kul'turnykh izmenenii // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*. 2016. № 1. S. 65.
15. Interv'yu s Vladislavom Zhukovskim // *Delovaya elektronnyaya gazeta «BIZNES Online»*. 11 yanvarya 2016. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/298565> (data obrashcheniya 09.06.2017).
16. Pel'tsman L. Stressovye sostoyaniya u lyudei, poteryavshikh rabotu // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1992. T. 13. № 1.
17. Velikanov A.P., Demchenko E.A., Kruglova N.E., Shchelkova O.Yu. Psikhologicheskie faktory v prognoze sotsial'no-trudovoi rehabilitatsii bol'nykh ishemicheskoi bolezn'yu serdtsa // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya, sotsial'naya pedagogika*. 2012. Vyp. 3. S. 16.
18. Korkina M.V., Lakosina N.D., Lichko A.E. Psikhatriya. Uchebnik. M.: Meditsina. 1995. S. 439–490.
19. Friedman M., Rosenman R.H. Type A and your heart. Greenwich. 1975. 280 p.
20. Vinokur V.A. Psikhologicheskie faktory razvitiya psikhosomaticeskikh zabolevanii // *Psikhodiagnostika i psikhokorreksiya* / pod red. A.A. Aleksandrova. SPb.: Piter. 2008. Gl.6. S. 176–204.
21. Usik N.I. Issledovanie zadach upravleniya natsional'nym khozyaistvom v Rossii // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*. 2016. № 3. S. 81.
22. Shapiro N.A. O gosudarstve i gruppakh vliyaniya, ikh sposobnosti obespechivat' makroekonomicheskuyu stabil'nost': materialy k zanyatiyam po kursu «Sovremennye ekonomicheskie kontseptsii» // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*. 2016. № 1. S.169.
23. The 2016 Global Wealth Report // published by the Credit Suisse Research Institute. P. 53. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=AD783798-ED07-E8C2-4405996B5B02A32E> (Data obrashcheniya: 09.06.2017).
24. Berezanskaya E., Kozyrev M. Vzlety i padeniya: dinamika sostoyanii bogateishikh predprinimatelei Rossii za god. // *Forbes.ru*. 2017. № 4.
25. Trudovye protesty v pervoi polovine 2017 g. Monitoring Tsentra sotsial'no-trudovykh prav. // M.: TsSTP. 2017.

Статья поступила в редакцию 13.06.2017 г.